

Б.Д. Цыренов

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ

**Диалектизмы в переводных словарях
монгольских языков**

Аннотация: Статья посвящена проблеме представления диалектизмов в общих двуязычных словарях монгольских языков – бурятско-русских, монгольско-русском и калмыцко-русском. По результатам анализа словарей этих языков делается вывод, что в монгольско-русском и калмыцко-русском словарях диалектизмы присутствуют совершенно незначительно, а в трех изданиях бурятско-русского словаря диалектизмы включены в качестве заголовочных единиц в гораздо большем количестве и составляют от 9% в первом до 3,5 % – в последнем. Диалектные слова в словарях преимущественно являются собственно лексическими диалектизмами и этнографизмами.

Paper is devoted to the problem of representing dialect in general bilingual dictionaries of the Mongolian languages – Buryat-Russian, Mongolian-Russian and Russian-Kalmyk. According to the analysis of the vocabulary dictionary is concluded that in the Mongolian-Russian and Kalmyk-Russian dictionaries there is quite insignificant, and in three editions of Buryat-Russian dictionary dialectisms included as a heading in units of a much larger number and range from 9% in the first to 3.5% – in the latter. Dialectal words in dictionaries are mostly actually lexical dialectisms and ethnographisms.

Ключевые слова: диалектизмы, переводные словари, монгольские языки.

Dialectisms, translatable dictionaries, the mongolian languages.

УДК: 811.512+81'374

Контактная информация: Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6. ИМБит СО РАН, отдел языкознания. Тел. (3012) 433517. E-mail: tsyrenovbabasan@mail.ru.

Диалектизмы – это, как известно, «характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературный язык» [ЛЭС, 1990, с. 133]. В приведенном выше определении говорится, что слово территориального варианта языка (диалекта) становится диалектизмом как таковым в контексте литературного языка. В языках с давно устоявшейся литературной формой в лексике уже не происходит перманентной борьбы специфических явлений диалектов за право проникновения в литературный язык. Чего нельзя сказать о языках со сравнительно небольшой историей литературного языка на собственной национальной основе. К таким языкам относится большинство региональных, национальных языков России, в том числе входящие в монгольскую группу бурятский и калмыцкий языки. В отличие от монгольского языка (государственного языка Монголии), они существенно отошли от старописьменного монгольского языка, являвшегося их единой исторической языковой основой.

Бурятский язык с появлением собственного извода письменного языка в значительной степени утратил лексическое богатство классического монгольского языка. Об этом Т.А. Бертагаев пишет: «В Бурятии с XVIII века появился бурятизированный вариант классического письменного языка, словарный состав которо-

го, к сожалению, не был так богат, как у классического языка. В последнем достаточно широко были представлены разного рода ремесленно-технические термины и очень широко – названия разного рода растений, ботанические медицинские термины, наименования минералов, термины канцелярско-делового и официального языка, отвлеченные, философско-буддийские термины и понятия и т.п.» [Бертагаев, 1974, с. 31].

Толковые словари априори нормативны, и в научных дефинициях подчеркивается их роль в нормализации лексической системы литературного языка: «...Эти (толковые – Б. Ц.) словари появляются на определенном уровне развития языковой культуры народа, когда, с одной стороны, начинает ощущаться потребность в общем нормализующем описании лексики языка, а с другой, язык достаточно развит, чтобы предоставлять лексикографам средства такого описания» [ЛЭС, 1990, с. 462]. Такого же мнения придерживается Ц.Б. Цыдендамбаев: «ТСБЯ (Толковый словарь бурятского языка – Б. Ц.) должен и будет иметь нормативную целенаправленность, но только не во вред стремлению охватить словарное богатство своего языка» [Цыдендамбаев, 1988, с. 5]. Совершенно иное явление – диалектизм в общем (двуязычном, толковом) словаре.

А.А. Юлдашев касательно диалектизмов в тюркско-русских словарях пишет: «Многие диалектизмы, отмеченные в словарях и часто встречающиеся в художественной литературе определенного периода, исчезают из обихода так же незаметно, как и проникает в него ...».

Из множества диалектизмов, проникших в литературу и через нее в общий разговорный язык, литературно узаконенное признание получают лишь немногие, и то обычно только слова, успевшие привиться в широком употреблении либо в определенной стилистической функции или в новом лексическом значении, либо в своем исходном значении, не имеющем в данном языке другого обозначения» [Юлдашев, 1972, с. 69].

Возможность представления диалектных слов в общем (большом) двуязычном словаре определяется рядом условий и сопряжен с некоторыми принципиальными вопросами, которые должны быть решены до момента составления словника.

Традиционно выделяются фонетические, грамматические, словообразовательные и лексические диалектизмы, последние делятся на собственно лексические, лексико-семантические и этнографические (или этнографизмы). Не останавливаясь на содержании этих терминов, поскольку они исторически сложились и никем не оспариваются, перейдем к вопросу о включении диалектизмов в двуязычные словари монгольских языков и изучим особенности представления различных диалектизмов в них.

«Большой академический монгольско-русский словарь» (БАМРС) составлен как словарь, базирующийся исключительно на литературном языке, о чем сказано в его предисловии: «Словарь призван служить научно-практическим руководством по литературному монгольскому языку...» [БАМРС, т. I, с. XI]. Как следует из этого положения, диалектные слова практически не включены в словник этого словаря. Они встречаются крайне редко и составляют мизерные доли процента от общего числа слов – заголовочных единиц. В списке сокращений, принятых в словаре приведены такие пометы, как «*нутг.* – *нутгийн аялгуу* – *диалектизм*» и «*орон нутг.* – *орон нутгийн* – *областное слово*» [БАМРС, т. I, с. XXIX], но при сплошном обследовании корпуса словаря выясняется, что они употреблены в единичных случаях, например: **басган (басгад)** *нутг.* девочка [Там же, с. 236], там же на своем месте дается форма множественного числа **басгад**. Поскольку при общей помете *нутг.* не приводится уточняющих дополнений, трудно понять, если, конечно, не знать бурятского языка, к какому же из диалектов монгольского языка относится это слово. По мнению лингвистов Монголии, бурятский язык (по крайней мере, язык бурят, проживающих там) является одним из

диалектов монгольского языка, основанного на халхаском (центральном) наречии, или диалекте.

На странице 446 первого тома с пометой *орон нутг.* приведено слово **гонгий** 'начиненная и сваренная кишка (еда)' [БАМРС, т. I, с. 446]; слово **гээгт** в значении 'жена; девушка, женщина' авторами словаря также определено как областное. Судя по употреблению помет *нутг.* и *орон нутг.* разницы между ними нет никакой.

Монгольский язык в Монголии является единственным государственным языком и обслуживает все сферы жизнедеятельности общества, это обуславливает мобилизацию всех лексических ресурсов языка, в том числе и лексического богатства диалектов и говоров. Многие диалектизмы, отмечаемые в исследованиях диалектологов и лексикологов, в БАМРС'е даются без соответствующих помет, например, слово **тариг хуучир.** хлеб; посев [Там же, с. 194] в монографии Д. Бадамдоржа «Монгол хэлний үгийн сангийн утга зүй» (Лексическая семантика монгольского языка) отнесено к ойратскому диалекту со значением 'хагалж борнойдоод, үр суулгасан тарианы талбайн нэр' (поле вспаханное, проборонованное и засеянное семенами) [Бадамдорж, 2006, с. 306]. В таких условиях диалектные слова, втягиваясь в орбиту литературного языка, окончательно меняют свою функционально-стилистическую «прописку».

Калмыцкий язык, распространенный в Республике Калмыкия, имеет два основных говора – дербетский (с багадербетовским, икидербетовским и бузавинским (донским) подговорами) и торгутский (с икицохурским, багацохурским и волжско-каспийским подговорами). Последний по срокам издания «Калмыцко-русский словарь» (КРС, 1977) так же, как и БАМРС, отражает лексику литературного калмыцкого языка, ведь «составители стремились с возможной полнотой отразить лексическое богатство современного калмыцкого языка» [КРС, с. 6]. Тем не менее, в словарь включено несколько десятков дербетских и торгутских диалектизмов. При сплошной выборке из корпуса КРС выписано более сорока диалектизмов, что составляет много меньше одного процента всего словника. Судя по списку сокращений в словарь включены слова не только основных говоров, но и бузавинского и элютского подговоров, например: **эрвн** *бузав.* жир (брюшной полости лошади, употреблявшийся раньше в сыром виде) [Там же, с. 69]; **зэрв** [зэрве] *бузав.* жеребёвка [Там же, с. 247]; **икл II** [икел] *бузав.* гармоника [Там же, с. 167]; **боорсг** [боорсг] *элют. см.* **боорцг** борцаг (лепёшка, изжаренная на масле) [Там же, с. 109] и т.д.

В КРС так же, как и в БАМРС'е, пометы *диал.* – диалектизм и *обл.* – областное слово, которые употребляются недифференцированно и совершенно незначительно, кажутся в некоторой степени излишними.

Строгая ориентированность проанализированных словарей на литературную норму не предполагала широкого включения диалектизмов в их словники. Совершенно иная ситуация с бурятско-русским словарем. Первое же издание БРС (Бурят-монгольско-русский словарь, 1951) было подвергнуто жесткой критике за включение большого количества диалектизмов – более 2000 из 25 тыс. слов, представленных в словаре, что, по подсчетам Ц.Б. Цыдендамбаева, составляет около 9 % всего словника. Критика Ц.Б. Цыдендамбаева кажется несколько необычной, поскольку именно он являлся редактором издания.

Ц.Б. Цыдендамбаев пишет: «...БРС, рассчитанный на практическое пользование, должен иметь литературный нормативный характер», однако «в словаре, наряду с литературными словами, нередко даются диалектизмы (иногда без помет) и монголизмы, вообще не имеющие при себе помет» [Цыдендамбаев, 1969, с. 117]. Но Цыдендамбаев выступает против включения в словарь диалектизмов, являющихся дублетами к словам литературного языка. Как пишет В.П. Берков: «Словарь обычно служит целям перевода с одного литературного языка на другой и не может одновременно выполнять функции пособия для перевода с одного

диалекта или группы диалектов одного языка на другой язык. Если исходить из этого положения, то диалектизмы вообще следовало бы не включать в словник переводного словаря. Однако имеются два момента, делающие неправомерным такой прямолинейный подход» [Берков, 1973, с. 83]. Первый момент, по мнению ученого, это то, что диалектизмы широко употребляются в стилистических целях в произведениях художественной литературы, и иноязычному читателю бывает часто необходимо обращаться к словарю, чтобы узнать значение незнакомого слова. Действительно, изучая иной язык, человек знакомится с литературным языком, в таком случае диалектная лексика оказывается за пределами его знаний. Для такого читателя диалектизм, встретившийся ему в тексте, прежде всего незнакомое слово – единица того или иного языка, а не единица его территориального варианта. Чтобы правильно осмыслить слово и понять весь контекст, в котором оно встретилось, ему было бы затруднительно и нерационально по затратам времени обращаться еще и к диалектологическим словарям данного языка, если они при этом еще имеются.

Второй момент, по В.П. Беркову, то, что «во многих языках в разговорной речи даже образованных слоев населения используется большое число диалектизмов, в особенности региональных просторечных слов, что, в частности, отражается в литературе» [Берков, 1973, с. 84].

Как можно заключить из слов В.П. Беркова, одним из критериев, определяющих легитимность присутствия диалектизмов в двуязычном словаре, является их употребительность в художественной литературе. «Таким образом, составитель неизбежно должен включать в словник известное количество диалектизмов. С другой стороны, учитывая явно ограниченную ценность этой информации, важно отобрать из них только те, наличие которых в словаре определяется его задачами. Практически это означает, что при отборе диалектизмов для словника двуязычного словаря должна учитываться их функциональная роль в языке литературы, т.е. составитель должен основывать свой выбор на неких объективных критериях, а не на своей интуиции, личных склонностях, либо на очень расплывчатых и субъективных понятиях “экспрессивной ценности в составе стилей литературной речи”, “общественно-исторического значения” и т.п.». Далее он пишет: «Представляется, что решение подобной задачи непосильно составителю двуязычного словаря, и, собственно, не вопрос его компетенции. Он должен иметь в своем распоряжении тщательно выработанной специалистами по входному языку список таких диалектизмов, составленный на основе анализа лексики важнейших произведений литературы на этом языке» [Берков, 1973, с. 85].

При всей критичности отношения Ц.Б. Цыдендамбаева к включению диалектизмов в словник бурятско-русского словаря, заслуживают внимания его слова: «Отрицательное отношение к диалектизмам не означает, однако, что их следует полностью удалять из словаря. Такая рекомендация была бы несостоятельна. Если же согласиться с тем принципиальным положением, что интересующий нас словарь должен ориентироваться на лексику литературного языка, то и к диалектизмам надо подходить не беспринципно, а с позиции использования их в литературном языке. Исходя из сказанного, думается, что в самостоятельном виде диалектизмы могут иметь место в БРС в следующих случаях:

а) если они вышли из локальных рамок и приобрели тем самым определенную известность, то есть стали просторечными, разговорными или принятыми в литературе словами...;

б) когда они обозначают названия каких-нибудь растений или животных, этнографических и иных реалий, не имеющих соответствующих бурятских эквивалентов в литературном языке: *архан* каб. (самец нерпы), *домбуу* сел. (белена)... и т.п.;

в) если они могут быть употреблены в качестве стилистических синонимов к литературным словам или в качестве бурятских синонимов к заимствованиям,

принятым в литературном языке: кукла – *хүүхэлдэй* зап.-бур., *потоолог* – *үһээ* и т.п.;

г) если необходимо объяснить в словаре местные слова, обоснованно употребленные в произведениях бурятских писателей» [Цыдендамбаев, 1969, с. 119–120].

Решению этой сложной и специфической задачи, естественно, могут оказать помощь лингвостилистические исследования и исследования по лингвостатистике. Как заметил В.П. Берков в своем учебном пособии «Двуязычная лексикография»: «... критерием, по мнению ряда исследователей, должна быть их функциональная роль в языке литературы, их текстовая частотность» [Берков, 2004, с. 52]. К этому мнению присоединяемся и мы.

Несколько иного мнения придерживается А.А. Юлдашев: «Факты из башкирского языка говорят также о том, что для включения диалектной лексики в общий словарь достаточного основания не дает ее наличие в печатной литературе, в том числе в произведениях писателей, язык которых справедливо считается образцом <...>. В художественной литературе, особенно при характеристике персонажей в принципе может быть употреблен любой диалектизм. Поэтому диалектная лексика, зарегистрированная в словарной картотеке на материале художественной литературы, подлежит, на наш взгляд, такому же тщательному отбору для общего словаря, как и любая ненормативная другая лексика» [Юлдашев, 1972, с. 70]. Иными словами, тест на возможность включения диалектизмы, употребленные в литературе, должны проходить все, невзирая на авторитетность автора в национальной литературе народа – носителя языка.

Мы согласны с Ц.Б. Цыдендамбаевым в отношении фонетических диалектизмов – их, действительно, не стоило включать в словник, а если и включать, то отбор здесь должен быть самым тщательным, из всего имеющегося у составителя массива фонетических диалектизмов только единицы могут получить право быть представленными. Эти доли процента должны составить лишь те фонетические диалектизмы, которые встречаются в наиболее распространенных произведениях авторитетных писателей.

Носители тех или иных говоров в общем и целом знакомы с основными фонетическими особенностями других говоров и диалектов и им не составит большого труда понять в речи бурята – эхирита *ел* (*јэл*), как *жэл* ‘год’, сартула *цасо*, как *саһан* ‘снег’ и т.д. Тем более, что фонетические диалектизмы совершенно минимально употребляются в художественной литературе.

По нашему мнению, словообразовательные диалектизмы имеют больше прав на включение в словник двуязычного словаря. Они в отличие от фонетических менее узнаваемы, кроме того, они способны обогатить литературный язык, например: *заяабари* (зап.-бур.) при лит. *заяан* ‘судьба’, *намарга* (зап.-бур.) при лит. *намаг* ‘болото, топь’, *мануули* (сел.) при лит. *айбала* ‘пугало’ и т.д. Интересно заметить, что слова *мануули* и *айбала* образованы от разных глаголов, но по одинаковым функциональным основаниям: первое от *манаха* ‘стеречь’, а второе от *айха* ‘бояться’ – функция. Или: *халтагай* (зап.-бур.) при лит. *хахад* ‘половина’, первое слово закрепилось в разговорной речи в значении ‘поллитровка (бутылка водки объемом 0,5 литра)’ и т.д.

Собственно лексические диалектизмы, дублирующие слова литературного языка, которые также подвергнуты критике Ц.Б. Цыдендамбаевым, как нам кажется, более всего заслуживают право быть включенными в словарь. Определенная часть таких диалектизмов, действительно, дублируют литературные слова, заимствованные из русского языка и, соответственно, чуждые бурятскому языку, например: *шала* зап.-бур., вм. лит. *поол*; *үһээ*, вм. лит. *потоолог*, *доржоохой* барг. детск., вм. лит. *борбилоо*, *тагтаа* южно-бур., вм. лит. *гулабхаа* и т.д.

Рассматривая собственно лексические диалектизмы, следует выделять в них синонимы – дублиеты литературных слов и этнографизмы – «названия предметов,

понятий, характерных для быта, хозяйства данной местности, не имеющие параллелей в литературном языке» [ЛЭС, 1990, с. 133]. Например, в западно-бурятских говорах бытует слово *малхаан* 'печь с вмурованным в нее котлом'; *сиинэ* 'суп с мясом и картофелем'. Значительные отличия в быте, хозяйстве западных и восточных бурят породили большое количество этнографических диалектизмов. Например, бурятам западного диалектного ареала не знакома практически вся лексика, относящаяся к юрте, проживанию в ней. Большое количество собственно этнографических диалектизмов представляет собой названия растений и животных, их табуированные названия, они, естественно, должны быть отражены в словаре.

Такого же мнения придерживается и исследователь тюркской лексикографии А.А. Юлдашев: «Из диалектной лексики в общие словари вне всякого сомнения и как можно больше, но обязательно с ограничительной пометой следует включать уникальные слова исконно тюркского происхождения, обозначающие реалии, отражающие специфику быта и культуры данного народа и не имеющие соответствия в литературном языке, как это делает К.К. Юдахин и другие опытные лексикографы и вообще чем более редким по своему содержанию и стилистическим свойствам является исконное слово, тем более оснований для его включения в словарь. Это очень важно иметь в виду при отборе всякой ненормативной лексики, особенно для полных общих словарей» [Юлдашев, 1972, с. 72].

В процессе развития литературного языка многие этнографизмы переходят в областные слова, или регионализмы, которые В.П. Берков определяет как слова, «ограниченные сферой одного или нескольких диалектов и не употребляющиеся в общенациональном языке в силу того, что они обозначают понятие, не играющее в жизни всего данного языкового коллектива важной роли и потому не получившее в общенациональном языке особого обозначения» [Берков, 1973, с. 80]. В бурятском языке такой процесс практически не наблюдается. Переход этнографизмов в областные слова не состоялся преимущественно по двум причинам. Во-первых, к моменту становления литературного бурятского языка (1930-е годы), многие реалии, обозначаемые такими этнографическими диалектизмами, начали терять свою актуальность и уходить из повседневного быта носителей этих диалектов. Это в особенности коснулось диалектизмов, относящихся к юрточному жилью и быту. Во-вторых, языковая политика того времени не предполагала активного привлечение диалектизмов в литературный язык.

Тем не менее, в литературный язык проникли некоторые собственно лексические диалектизмы – синонимы слов литературного языка, составляя с ними ряды стилистических синонимов или парные слова со значением обобщения, например: *хамган* лит. и *гэргэн* зап.-бур., *ханишагта* тунк., низк. 'жена'; *үгэ хүүр* 'слова, разговоры', *хүнэг хуулга* 'ведро и пр.' и т.д. Диалектизмы типа *нажар*, *зугаа*, синонимы литературных *зун* 'лето', *хөөрөөн*, *хөөрэлдөөн* 'разговор', позволяют избегать тавтологий и часто приобретают налет поэтичности.

Еще один момент, который, как нам кажется, в некоторой степени оправдывает включение диалектизмов в общий двуязычный словарь, это то, что еще не созданы диалектологический и толковый словари бурятского языка. Таким образом, переводной бурятско-русский словарь совместил в себе и их функции. Если первые два издания (1951 и 1973 гг.) большей частью принимали на себя функции диалектологического словаря, то третье издание в значительной степени функции толкового.

Критика Ц.Б. Цыдендамбаевым автора словаря К.М. Черемисова по поводу включения диалектизмов в словарь в дальнейшем смягчается, и в 1973 году его высказывания не столь категоричны: «...Мы придерживаемся той точки зрения, что литературный бурятский язык (который сначала ориентировался на монгольский язык и лишь потом стал основываться на хоринском идалекте) был и во многом остается недоступным для носителей западно-бурятского диалекта. Из этого

следует, что один литературный язык оказался не в состоянии обслуживать и восточную и западную части Бурятии.

Весьма возможно, что упущено время, но справедливости ради следует признать, что для Западной Бурятии надо было бы попытаться создать если не специальный литературный язык, то, по крайней мере, литературный диалект. Мы не вправе забывать, что Западная Бурятия – это родина всемирно известного «Гэсэра», сокровищницы богатейшего бурятского фольклора» [Цыдендамбаев, 1973, с. 84–85]. Если исходить из этих слов ученого, то можно сделать вывод, что вполне допустимо включение диалектизмов в общие словари, особенно собственно лексических, при отсутствии двух основных лексических словарей – толкового и диалектологического.

Относительно состава словника будущего толкового словаря бурятского языка Ц.Б. Цыдендамбаев еще более лоялен к диалектизмам: «По нашему мнению, в словаре необходимо зафиксировать лексико-семантические диалектизмы из всех бурятских говоров как в виде самостоятельных заголовочных слов, так и в виде заголовочных слов с отсылкой на главные для бурятского языка эквиваленты, употребительные в литературном языке или хоринском диалекте» [Цыдендамбаев, 1988, с. 5].

В калмыцко-русском (1977) и монгольско-русском (2004) словарях диалектизмы представлены в самом незначительном количестве – около 1 % от всего словника. В бурятско-русских словарях доля диалектных слов значительно больше – 9 % в БРС-51, в БРС-73 немного меньше – около 7 %. В результате увеличения общего количества слов, доля диалектизмов в БРС-06-08 значительно уменьшилась и занимает не более 3,5 %.

Как отмечает В.П. Берков, с одной стороны, в обычный большой двуязычный словарь должно быть включено известное количество диалектизмов, с другой – они должны быть отобраны по определенному критерию. Таким критерием по мнению ряда исследователей, должна быть их функциональная роль в языке литературы [Берков, 1973, с. 84–85]. По мнению выдающегося лексикографа в двуязычном словаре должны быть отражены диалектизмы из определенного списка, который должен быть составлен на основе анализа лексики важнейших произведений литературы.

А.А. Юлдашев по проблеме отбора и включения в двуязычные словари диалектизмов замечает: «Судя по лексикографическому опыту в области узбекского, татарского, туркменского, киргизского и башкирского языков, диалектные и областные слова целесообразно включать в общие словари в той лишь мере, в какой эта лексика имеет реальные возможности стать впоследствии достоянием литературного языка хотя бы в качестве стилистических эквивалентов соответствующих устоявшихся нормативных слов. <...> Никакой ценности для литературного языка и общего словаря не представляют диалектизмы, отличающиеся от соответствующих нормативных слов только по своему внешнему оформлению. Маловероятна возможность попадания в литературный язык собственно лексических диалектизмов, представляющих собой абсолютные синонимы к соответствующим нормативным словам» [Юлдашев, 1972, с. 70–71].

Все исследователи единодушны в том, что недопустимо включать в общие двуязычные словари фонетические и некоторые словообразовательные диалектизмы, а право быть представленными в двуязычных словарях получают собственно лексические, семантические и этнографические диалектизмы, не представляющие собой абсолютных синонимов литературных слов.

Сокращения, принятые в работе

барг. – баргузинский говор

БРС – бурятско-русский словарь

детск. – детская речь

зап.-бур. – западно-бурятский диалект
каб. – кабанский говор
лит. – литературный язык
низк. – низкий стиль
сел. – селенгинский говор
тунк. – тункинский говор
южно-бур. – южно-бурятский диалект

Литература

- Берков В.П. Вопросы двуязычной лексикографии: Словник. Л., 1973.
Берков В.П. Двуязычная лексикография. М., 2004.
Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). М., 1974.
Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. М., 2004. Т. I. (БАМРС)
Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977. (КРС)
Лингвистический энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.Н. Ярцевой. М., 1990. (ЛЭС)
Цыдендамбаев Ц.Б. Некоторые вопросы составления бурятско-русского словаря // К изучению бурятского языка. Улан-Удэ, 1969. С. 117–129.
Цыдендамбаев Ц.Б. Итоги и насущные проблемы языкового строительства в Бурятии // Филологические записки. Тр. БИОН. Улан-Удэ, 1973. Вып. 19. 61–87.
Цыдендамбаев Ц.Б. Проблемы составления толкового словаря бурятского языка // Лексикологические исследования монгольских языков. Улан-Удэ, 1988. С. 3–28.
Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. Бурятско-русский словарь: В 2-х т. Улан-Удэ, 2006. Т. I: А – Н.
Юлдашев А.А. Принципы составления тюркско-русских словарей. М., 1972.
Бадамдорж Д. Монгол хэлний үгийн сангийн утгазүй (Лексическая семантика монгольского языка). Улан-Батор, 2006.